



“REMEZ”

№96

Май 2020 г.

Ксерокс - газета



Информация

общества любителей птиц

«Ремез»

ИНТЕРЕСНЫЕ ВСТРЕЧИ

В с. Коргалжын Акмолинской области 2 апреля 2020 г. **Алексей Федулин** сфотографировал самку **саксаульного воробья**. Это первая встреча вида в регионе, на 600 км северо-западнее мест гнездования в южном Прибалхашье. (www.birds.kz)



Редкий залётный вид, **бурый дрозд**, был сфотографирован **А.Федулиным** 7 апреля в с. Коргалжын (Акмолинская обл.). Это первая встреча вида в регионе. (www.birds.kz)

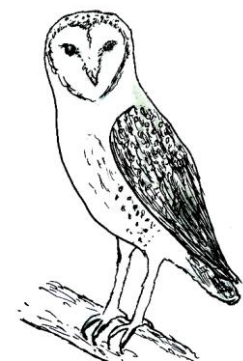


ОРНИТОЛОГИЯ

Международное сотрудничество в области биобезопасности

Именно под таким, довольно высокопарным, заголовком это событие попало в анналы Департамента Охраны Природы Новой Зеландии. Для начала поясню, что под биологической безопасностью здесь понимают борьбу с завезенными экзотическими инвазийными видами животных и растений, которые наносят ущерб местной природе, хозяйственной деятельности или здоровью человека. Ну, и предотвращение новых инвазий, конечно. В отличие от, например, американской трактовки этого термина. Янки под биобезопасностью понимают, главным образом, предотвращение и борьбу с эпидемиями и эпизоотиями, включая применение биологического оружия.

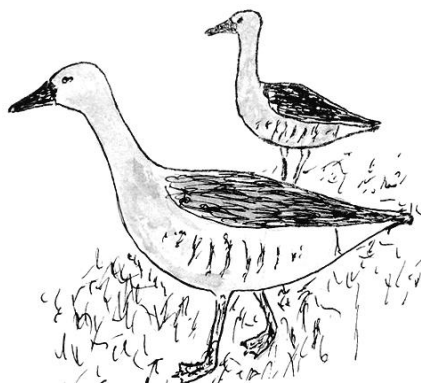
Все началось с того, что однажды, несколько лет назад, в начале весны старушка-волонтер и активист Орнитологического Общества позвонила мне, тогда рейнджеру по биобезопасности Департамента, о встрече необычного голубя на Тасмановом побережье Окленда. Точнее, пары голубей, очень напоминающих австралийского голубя вонга (*Leucosarcia melanoleuca*), прежде в НЗ не встречавшегося. Надо сказать, что именно на западном, Тасмановом, побережье Окленда регистрируются почти все залеты австралийских видов. Роза ветров располагает. Ураганные западные ветры эпизодически заносят птиц с соседнего континента, который киви (новозеландцы) уничижительно именуют Западным островом по аналогии с двумя главными островами страны – Северным и Южным. В последние годы, например, тут были зарегистрированы совы сипухи, пеликаны, ибисы,



египетские цапли и что-то еще из птичьей мелочи. Вооружившись биноклями, подзорными трубами и фотоаппаратами выехали вместе с пенсионеркой, бывшей медсестрой, ассистентом дантиста, между прочим, на поиски. Замечу, что самые лучшие волонтеры – это пенсионеры. У них есть время и средства, чтобы посвящать их любимому хобби, есть отличные полевые навыки и чувство ответственности. Голубей нашли быстро, обсмотрели со всех сторон, сфотографировали и тут же, сравнив с книжными описаниями и таблицами, пришли к выводу, что это редкая цветовая вариация домашних голубей, почти точно повторяющая картинку оперения голубя вонга. Вот и хорошо, нет повода для беспокойства, хотя немного жаль – маленькая орнитологическая сенсация не состоялась.

Неожиданно, когда складывали свое оборудование в машину, услышали характерный звук, гоготание и хлопанье крыльев над нами. Глянули вверх – гуси, да не простые, а австралийские гуси Мыса Баррен (*Cereopsis novaehollandiae*). Благо, камеру еще не зачехлил, вот оно фотодоказательство. Экая новость! Они раньше регистрировались в стране как редкий интродуцированный вид, но давным-давно не было никаких встреч или находок. А тут аж четыре особи, и летят со стороны небольшого острова-резервата в заливе Кайпара. Там гнездятся редкие эндемичные зуйки, находящиеся под особой охраной, а у этого гуся очень дурная репутация агрессивной птицы, выживающей всех подряд из своих гнездовых местообитаний. Если птицы добираются сюда из других регионов мира самостоятельно, без помощи человека, они автоматически получают статус охраняемых, пока не докажут свою вредоносность и не потеряют этот статус, как это произошло, к примеру, со шпорцевым чибисом (*Vanellus miles*). С гусем ситуация иная, он когда-то был интродуцирован, следовательно, не подлежит охране, а, учитывая репутацию, должен быть изъят из природы (попросту – уничтожен), пока не натворил бед. Это в соответствии с принципом предупреждения в биобезопасности. Так же, как и в медицине, предупредить инвазию или болезнь легче и дешевле, чем расхлёбывать последствия - истреблять или лечить.

Отследили полет гусей, убедились, что они именно с нашего островка и решили незамедлительно принимать меры. Активистка-волонтер организовала моторную лодку со шкипером, тоже старым волонтером, на следующий день, а я прихватил любимую пневматическую винтовку калибра 5,6 мм, многозарядную, малозумную с бешеной дульной скоростью и прекрасной оптикой. На неё требуется лицензия как на огнестрельное оружие. Короче говоря, двух удалось ликвидировать



тремя выстрелами, подобравшись из-за кустов метров на 15-20 к месту, где они собрались гнездиться. А двух других, пасшихся на ферме в нескольких километрах от острова, добыл мой коллега неделей позже. Он же и сообщил, что на том же пастбище заметил еще каких-то гусей, неизвестного ему вида. По описанию точно экзоты, но какие? Явно не домашние. Больше всего, похожи на белолобых (*Anser albifrons*), но откуда им, бореальным, тут взяться на другом конце света? Гуси, конечно, хорошие летуны, но не на 12 же тысяч километров! Вскоре по наводке коллеги сам поехал на ту ферму и нашел стаю из дюжины непонятных гусей, пасущихся на лугу. Ну, точно белолобые. Я же их помню из северного полушария.

Тут и началось собственно международное сотрудничество по биобезопасности. Сильно озадаченный я сфотографировал гусей и отправился опрашивать местных фермеров, чьи земли граничат с тем лугом. Подтвердили - это не домашние гуси, никому не принадлежат, а откуда взялись, никто не знает. Видят их время от времени, вот и все. Первым делом связался с А.М. Семой, моим начальником экспедиции в Баянаул и наставником еще в студенческие годы, а после с коллегой по многочисленным «ходкам» на Чокпак, да и просто старшим товарищем и соседом. А он порекомендовал еще пару-тройку спецов и, в первую очередь, С.Н. Ерохова, с которым я познакомился в то же студенческо-практикантское время на Сорбулаке. Ему я и отослал фото гусей с разных ракурсов и с другими объектами в кадре для масштаба. Вскоре, после анализа фото с учетом всех факторов (окрас, форма клюва и других частей тела, пропорции и пр.), получил вердикт эксперта - это домашние гуси, но не просто домашние, а некий сложный гибрид с участием, по-видимому, «трех источников и трех составных частей» (люди, учившиеся в университете в советское время, поймут происхождение цитаты). В троицу, несомненно, входят домашний гусь, серый гусь и, что-то еще, вероятно, сухонос (*Anser cygnoides*). Этот-то сибирско-дальневосточно-монгольский вид как сюда затесался?

Мозаика полностью сложилась, только через пару месяцев, когда, продолжая расследование, я нашел старые публикации, отчеты акклиматизационных обществ и охватил своими опросами всех фермеров в радиусе примерно 20 км. Старожилы рассказали, что лет 40 и более назад жил в тех краях энтузиаст, любитель водоплавающих птиц, особенно утей, гусей и лебедей. Вот он, во времена памятные уже очень немногим, держал живую коллекцию, в которой точно были и дикие серые гуси, и сухоносы, которых старики, не зная видового названия, но будучи по-деревенски наблюдательными, хорошо описали и опознали по картинкам. Никто не знал, как было положено начало той коллекции. Еще в начале XX века в стране активно работали акклиматизационные общества, завозившие разные виды птиц и млекопитающих. Только с середины века, когда ощутили во всей полноте экологические и экономические последствия интродуцирования чуждых видов в островной стране, эта деятельность стала незаконной и даже наказуемой. После смерти владельца коллекции его наследники распорядились поголовьем по-своему, некоторых птиц, не представляющих, по их мнению, никакой ценности, просто выпустили в природу, чем и положили начало популяции необычных гибридных гусей. Конец всей истории положил мой коллега, который после гусей мыса Баррен добавил на свой счет «изъятых из природы» и этих гибридов.

Остается только еще раз поблагодарить коллег орнитологов за помощь в расследовании и выразить надежду, что наше сотрудничество продолжится и впредь. Кстати, совсем недавно получил рекомендации Анатолия Максимовича по борьбе с еще одним нежелательным экзотом – обыкновенным скворцом. У кого ещё есть опыт и соображения на сей счет? Приму с благодарностью.

Артем Полканов

ЗАМЕТКИ НАТУРАЛИСТА

ОРНИТОЛОГИ НА КАРАНТИНЕ

Эпидемия (пандемия) коронавируса COVID-19 изменила график, ритм и режим работы всех и каждого. В начале марта объявили карантин, что предусматривало в первую очередь самоизоляцию, резкое ограничение передвижений, а вскоре последовал запрет на выезды из населенных пунктов. Визитной карточкой лояльности к карантину стала защитная марлевая маска на лицо и строгая отсидка дома, с вынужденными вылазками в ближайшие аптеки и магазины. Собаки у нас нет, прогулки «на поводке» исключались.

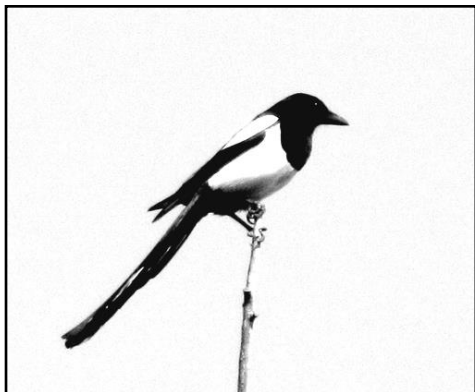
Для орнитологов введение карантина оказалось серьезным ударом и испытанием, поскольку в разгаре была весенняя миграция, начался гнездовой период у птиц, были запланированы экспедиции и экскурсионные выезды. Душа ждала и просила «поля»! Срывались многолетние мониторинговые исследования. Конечно, без работы мы не остались, за предыдущие годы был накоплен огромный материал по экологии птиц, его необходимо обрабатывать и доводить до финала – подготовки и публикации статей, монографий, сообщений на научные конференции. Но как-то привычно эту камеральную работу делать в зимнее время, а не весной и летом.

Выручили, как всегда, птицы, они подкинули идею. Для них карантин не писан, они оживленно занимались своими весенними делами, мелькая за окнами дома, распевая громкие песенки, устраиваясь на деревьях, заборе и кустах вокруг дома. Возникла мысль отмечать всех птиц, что держатся возле нашего дома, над домом крутятся или пролетают мимо, понаблюдать за их поведением из-за оконного стекла. Тем более, что окна квартиры на первом этаже нашего двухэтажного дома на территории педагогического городка преподавателей Мелитопольского университета на три стороны света:



восток, юг и запад, а если изогнуться за письменным столом, то можно видеть много любопытного и в северном направлении. Выходы на крыльцо дома «подышать свежим воздухом» расширяли возможности обзора, можно было смело «и в небо задрать глаза», прыгать только «как коза» не

хотелось. И закипела внеплановая работа для души, даже в часы без отрыва от письменного стола и компьютера! С утра до вечера за день мимоходом, в общей сложности за 1-1,5 часа наблюдений удавалось отметить 10-15 видов птиц, а рекорд составил 9 апреля - 22 вида! В течение марта – апреля



общее количество встреченных «из дома» птиц составило свыше 60 видов, большинство из которых удалось запечатлеть фотоаппаратом. По частоте встречаемости на первом месте оказались местные, рядом и по-соседству гнездящиеся, виды: кольчатая горлица, сирийский дятел, ушастая сова, домовый сыч, сорока, домовый и полевой воробьи, коноплянка, щегол, большая синица и лазоревка; прилетевшие с зимовок пустельга, удод, вертишейка, скворец, горихвостка-чернушка; дважды в сутки пролетающие на кормежку на пригородные поля сизые «чердачные» голуби, радовали красотой полета высоколетные породистые голуби соседа-голубевода, живущего за забором. Местные птицы отмечались практически каждый день, занятые своими семейными



хлопотами: занятием и охраной гнездовых территорий, строительством гнезд, брачными играми, токовыми полетами и песнями. Отмечен был даже заблудившийся самец фазана, увиденный возле соседского курятника, по-соседству с которым бродила белая курица, перелетевшая к нам через забор от соседей. Серые вороны, устроившие гнездо в 600 метрах от нашего дома, пролетали не часто мимо окон, как и галки, что выбрали под гнездо пустотелый бетонный столб линии электропередачи вдоль улицы. Колония грачей, что располагалась ближе к окраине города, в 800 метрах, из окна за крышами домов и деревьев была не видна, но грачи каждый день посещали в поисках пищи соседние с нами огороды и сады, усаживались ненадолго на старых абрикосовых деревьях и грецких орехов. Зеленушки, всю зиму стайками

кормящиеся ягодами можжевельника виргинского у окна кабинета, обобравшие к весне деревья дочиста, появились снова уже парами, подыскивая места для будущих гнезд.



В середине марта еще удавалось с крыльца или во дворе отметить последние стайки отлетающих перезимовавших дроздов-рябинников, чижей, одиночных перепелятников, пролетных пеночек - теньковок и весничек на винограде под окнами кухни, высоко летящих одиночных зимняков, обыкновенных канюков и полевых луней, стаи серого журавля, белолобого и серого гусей, даже серых цапель удалось наблюдать. Солидный ворон, ближайшее гнездо которого было в лесопарке в сосновых посадках в трех



километрах от нашего дома, регулярно пролетал по кормовому маршруту к инкубатору и обратно. Сойка иногда заглядывала попить воды на прудик в саду, но гнездилась она довольно далеко, через две улицы. Еще реже пролетали одиночные чайки-хохотуни, разыскивающие корм на стихийных мусорниках после забоя овец цыганами-перекупщиками. А 11 марта над домом пролетели даже сначала два, а через час уже стайка из четырёх лебедей-шипунцов! Спешили они на юго-восток в сторону Молочного лимана. Во второй половине апреля список пернатых гостей существенно пополнился. В саду в малиннике и у роскошного зеленого куста бамбука отмечены пролетные особи серой славки и славки-черноголовки, обыкновенного соловья, высоко в безоблачном

ярко-голубом небе по характерным крикам обнаруживались стайки пролётных золотистых щурок. Появились пролетные городские и деревенские ласточки, и первые черные стрижи. Дважды в частных садах-огородах за заборами видели и слышали поющую кукушку. Неожиданно было встретить в огороде одиночного пролетного вальдшнепа, затаившегося под кустами смородины, а также самца зяблика, деловито роющего в опавших прошлогодних листьях. Зяблики нормально гнездятся в лесопарке, далеко отсюда.

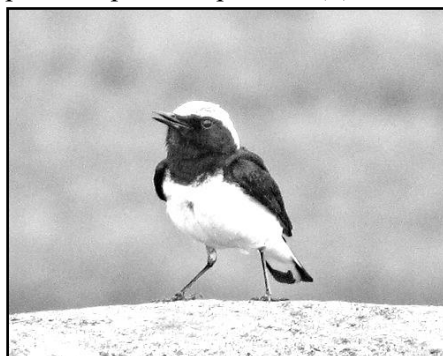
На крыше гаража прописалась пара обыкновенных каменок, устраивающих не первый год гнездо в отверстии бетонной плиты перекрытия. А вот самец каменки-пleshанки, как и пролетные самцы белой трясогузки, задерживались в жилом городке университета лишь на 1-2 дня и отлетали дальше. В огороде задержался самец сорокопуга-жулана, через 5 дней к нему присоединилась самка и они стали сооружать гнездо на боковой ветке старого абрикоса. Появился и самец чернолобего сорокопуга, в минувшем году они гнездились на пирамидальном тополе, но все тополя срезали весной под корень и этот сорокопуг покинул наш городок. Не задержалась и пара хохлатых жаворонков, встреченных на небольшом пустыре у въезда в городок.

Не только птицы радовали и развлекали нас во время затянувшегося нудного карантина. На маленьком пластиковом прудике в огороде поселились зеленые жабы и ближе к вечеру каждый день распевали громкие стрекочущие песни. В вечерних сумерках по дороге между соседними домами пробегали белогрудые ежи, однажды случайно встретили даже скрытную каменную куницу. Обилие бесхозных кошек на территории городка, видимо, снизило количество мышей, но ласке корма явно хватало, и она прописалась здесь. А вот одиночные белки, добегающие сюда из лесопарка, в частном секторе долго не задерживались и снова уходили в более залесённые участки города. Теплыми вечерами летучие мыши, судя по размерам и силуэту относящиеся к 3-4 видам, носились за насекомыми в воздухе, в аромате отцветающих черешен, персиков и вишен.

Подведем краткие итоги «орнитологического карантина» в городке. За 2 месяца было зарегистрировано в районе дома и над ним 61 вид птиц, из них неворобьиных - 24, и воробьиных - 37 видов, в том числе гнездящихся - 22, пролетных - 2, задержавшихся после зимовки - 7, случайно залетных из других районов города или пригородных полей и лесопосадок - 4 вида. По численности доминировали полевой и домовый воробьи, скворец (в отдельные дни по 40-100 особей), остальные виды отмечались одиночно и небольшими группами, исключая пролетные стаи белолобых гусей. Такое не высокое видовое разнообразие связано с отдаленностью дома от водоемов (речка Молочная протекает в трех километрах к северо-востоку) и крупных парков, освоенностью и ухоженностью огородов и садов в частном секторе. И все же, такие «диванные наблюдения» для истинных орнитологов-полеводов во время вынужденного карантина оказались, несмотря на разнообразие птиц, сущим наказанием, еще больше разжигая желание и стремление выбраться на широкие просторы природы, а не замыкаться в узком мире.

На фотографиях представлены пернатые герои нашего репортажа.

А.И. Кошелев, В.А. Кошелев, фото А.И.Кошелева



История старой фотографии

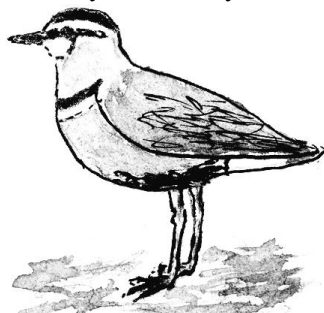
Осенью 2019 года в Восточно-Казахстанском областном историко-краеведческом музее в Усть-Каменогорске прошла выставка «Тропа длиною в жизнь», посвящённая 80-летию со дня рождения нашего замечательного земляка, писателя-натуралиста, орнитолога и краеведа Бориса Васильевича Щербакова. На огромных стендах выставочного зала была размещена большая серия



фотографий, отражающая различные этапы его жизни, научной, литературной и общественной деятельности. Одна из черно-белых фотографий, на которой Борис Васильевич изображён, стоящим на дороге с большим рюкзаком на спине на фоне алтайских гор, меня особенно заинтересовала. Дело в том, что этот снимок был сделан мной в августе 1972 года во время возвращения из недельного пешего маршрута в горы Рудного Алтая. И было это возвращение связано с историей, о которой мы с ним с тех пор старались не вспоминать, а если уж и делились подробностями, то только в кругу близких друзей. На этот раз, рассматривая старую фотографию и, вспоминая события тех дней, расскажу о них по порядку.

Летом 1972 года Борис Васильевич предложил мне принять участие в пешем походе на Белоубинские озёра для изучения птиц. Третьего августа на рейсовом автобусе мы с ним вдвоём доехали из Лениногорска до посёлка лесорубов Серый Луг у подножия Ивановского хребта, взвалили на себя рюкзаки и двинулись по лесной дороге вглубь гор. На следующий день, поднявшись по тропе вверх по таёжному ущелью Палевой речки, остановились на ночёвку в кедровнике у верхней границы леса. Здесь нашлась подходящая полянка, давно приспособленная для временных стоянок жителями ближайших деревень во время заготовок ими кедровых орехов. На ней я впервые увидел мастерски изготовленные местными умельцами различные орудия таёжного промысла - колотушки для сбивания с веток шишек, имевших различные формы и забавные сибирские названия: байдон, околот и остолоп. Были также ручные шишкорушки, одну из которых именовали тёркой, а другую – рубель. Видели также решето, приспособленное для просеивания орехов. В одном месте на дереве висел объёмистый туесок из бересты. Запомнились малиново-красные шуры, прилетавшие на лужайку. Особое очарование лесу придавали кривые кедровки и шум реки в ущелье.

Утром мы поднялись на тундровый водораздел хребта и после длительного перехода к вечеру добрались до верхнего Кедрового озера в истоках Белой Убы. Остановились в старой охотничьей избушке с земляным полом, протекающей крышей и нарами из расколотых надвое брёвен. Отсюда каждый день мы совершали экскурсии, проводили учёты птиц, собирали научную коллекцию из наиболее интересных видов. Именно здесь, за столиком этой избушки, освоил я тогда препараторское дело, научившись изготавливать коллекционные тушки птиц. Для меня, тогда юнната, с увлечением начавшего заниматься орнитологией, это было счастливое время ежедневного познания новых птиц. Борис Васильевич, обладавший музыкальным слухом и прекрасно различавший птиц по пению и голосам, учил меня умению определять их не только по внешнему виду, но и на слух. Благодаря ему, я



впервые в жизни увидел многих алтайских птиц: тундряную куропатку, хрустана, шура, певчего сверчка, синехвостку, сибирскую чечевицу, соловья-красношейку, бурую пеночку. Особенно памятными были экскурсии на Линейский хребет, где среди кедрового леса возвышалось множество скальных останцев самых причудливых форм. В этом лесу среди нагромождений камней водилось множество сеноставок – алтайских пищух, а под навесами скал часто встречались их стожки – запасы сухой травы на зиму. Меня больше всего удивляло, что свои стожки они нередко устраивали у стволов кедров и некоторые из них имели высоту до полутора метров. Их основания были образованы

слежавшейся и перегнившей растительной массой, поверх которой зверьки каждый год укладывали свежую траву, наращивая так постройку в высоту. Не менее удивительной была здесь активная

землеройная деятельность медведей. В кедровнике жило много бурундуков, известных своей склонностью делать на зиму большие запасы орешков в подземных кладовых. Поэтому хозяева тайги – медведи проводили прямо-таки грабительскую экспроприацию этих накоплений и как землекопы разрывали длинные ходы бурундуков, ведущие в их хранилища. Мы часто встречали следы этих погромов - изрытые вдоль и поперёк лесные поляны, разбросанные в разные стороны землю, корни и камни.

В последний день мы отправились в дальний маршрут к хребту Холзун. Едва перебрали через речку Барсук и стали подниматься на склон, как нас настиг проливной дождь. Добежав до ближайшей группы кедров, укрылись под густой кроной одного из них и, накрывшись плащом, устроили вынужденный отдых и даже успели вздремнуть. Когда перестук дождевых капель прекратился, откинули плащ и замерли от удивления: на нас в упор смотрело, сопело и чуть ли не обнюхивало десятка два рогатых коровьих голов. При этом, стоящие позади, из любопытства старались протиснуться ближе, чтобы тоже взглянуть на нас, отчего пространство между нами временами сужалось настолько, что до ближайших из них можно было дотянуться рукой. Скорее всего, мы заняли любимое место их дневного отстоя и они, спасаясь от дождя, пришли сюда. Поэтому, когда они увидели людей, то были удивлены и напуганы не менее нас. В их взглядах так и читался вопрос: откуда вы взялись? Одичавшие за время вольной жизни на отгоне, они, похоже, уже давно не видели никого из людей, кроме пастуха, поэтому, перепугавшись, принялись осторожно выяснять, кто мы такие. На наше счастье вместе с ними не пришёл вожак стада – бык-производитель, непременно устроивший бы нам разборки. Но, не заметив в поведении коров агрессивных намерений, мы открыли записные книжки и взялись описывать события дня. Коровы тоже утратили к нам всякий интерес и, разделившись повзводно, дружно разошлись пастись, оставив вокруг множество запашистых «лепёшек». Избавившись от их назойливого надзора, мы отправились вверх по руслу речки Барсук на болото Гульбище, на котором среди зарослей карликовых берёзок решили поискать азиатских бекасов. Куликов в тот день мы так и не встретили, но зато нашли поздний выводок чирков-свистунков с ещё маленькими утятами. На следующее утро вышли из избушки в обратный путь. Побывав у нижнего Кедрового озера, окружённого дремучим лесом, стали спускаться вниз в теснину ущелья Белой Убы. Так как старых троп мы не нашли, пришлось пробираться по крутому склону напрямик по густому высокотравью, буреломам и осыпям среди пихтово-лиственничного леса. Здесь нам несколько раз посчастливилось наблюдать и слышать поющих самцов синехвосток. Остановившись отдохнуть около лиственницы, мы сразу же обратили внимание на перепархивающих в её ветвях каких-то мелких мухоловок. Пока разглядывали их в бинокли, заметили, что они кормят едва перелетающих короткохвостых птенцов. Чтобы разобраться с их видовой принадлежностью, Щербаков метким выстрелом из ружья добыл одну из них. Когда отыскали и рассмотрели её, он радостно воскликнул: «Сибирская мухоловка-касатка, я никогда ещё не встречал её у нас на Алтае!». Видимо, они недавно расселились сюда из Сибири. Так произошло это важное орнитологическое открытие, дополнившее список гнездящихся птиц Казахстана.



Внизу, у речки, нас застал и промочил до нитки обложной дождь. Пришлось заночевать, натянув между двумя бревнами целлофановый тент. Когда поднялись утром, то немного ниже нашей стоянки на грязи обнаружили медвежьи следы и свежий помёт. Видать рано утром зверь случайно набрёл на место нашей ночёвки, но ушёл в сторону, не побеспокоив нас. Весь день занял переход вниз по Белой Убе. Шли через места лесозаготовок 50-х годов. Всюду по склонам лежало множество заготовленного и брошенного леса, заросшего кипреем и малиной. Долина реки постепенно расширилась, на смену хвойной тайге появились березняки и осинники. Дальше идти стало легче, так как мы вышли на старую лесовозную дорогу. К вечеру добрались до села Поперечное, откуда на попутной машине доехали до лесного кордона «Босяково», расположенного на речке Быструха у северного подножия Ивановского хребта. Здесь жил лесник Пётр Босяков с женой Ульяной, в домике которых мы были радушно приняты на ночёвку. Рано утром 9 августа, поёживаясь от холода, отправились на экскурсию вверх по Медвежьей тропе. Так называется эта конная и пешеходная тропа, которой пользуются местные жители, охотники и туристы для подъёма на вершину Ивановского белка. Отправились мы туда на три часа, чтобы вернуться к моменту, когда из Поперечного в Лениногорск мимо кордона будет проходить рейсовый автобус.

Вначале тропа шла через заболоченный кочковатый лес из берёз, ив, пихт и кедров, где мы провели около часа, наблюдая за выводками серого снегиря и желтоголового короля, в которых родители кормили птенцов. Мой наставник очень обрадовался, так как уже давно искал свидетельства гнездования этих птиц на Алтае и, наконец, получил фактические доказательства. После этого у нас



случилась непредвиденная задержка, изменившая наши планы. Среди сухих ветвей поваленной бурей старой лиственницы, лежавшей у тропы, мы увидели большое осиное гнездо величиной с футбольный мяч. Обрадованный Борис Васильевич сразу же увлечённо занялся фотосъёмкой, стараясь запечатлеть его в разных ракурсах. Затем поделился со мной своими

соображениями о том, что было бы замечательно сделать снимок с осой, выглядывающей из входного отверстия, да так, чтобы глаза и усики видно было. Помочь ему в этом он попросил меня, и мы обговорили, как действовать дальше. Примостившись сбоку, он навёл на вход объектив «Зенита», тщательно отрегулировал резкость и поддал команду. Я ткнул веткой в мягкий бумажный бок гнезда, после чего последовал громкий вскрик. Я успел заметить, как Борис Васильевич испуганно закрыл лицо руками, присел и сразу же умчался в кусты. Я же, с перепугу, бросился бежать вверх по тропе, гремя на весь лес кружками, чашками и котелком в рюкзаке. Лишь удалившись на безопасное расстояние, я остановился, отдышался и услышал крики Щербакова, зовущего меня обратно. Миновав опасное место, я увидел его, потирающего место укуса выше переносицы. Отыскав в карманах медный пятак, протянул ему и он приложил его ко лбу, рассказывая о том, насколько ужасен был этот укус.

- Вылетела как пуля и жиганула с такой силой, что я чуть не упал, - поделился он впечатлениями.

Скорее всего, это шершни? - предположил я, уже испытывавший ранее на себе болезненность их укусов.

- Ага, давай ходим и проверим их видовую принадлежность? – предложил он.

- Боже упаси! – отказался я, хотя понял, что он пошутил.

Из-за этих ос-шершней мы вернулись к кордону на час раньше и решили пройти по дороге пешком в расчёте на то, что автобус нас догонит и подберёт в пути. Так и сделали. Попрощавшись с гостеприимными хозяевами, взвалили на плечи рюкзаки и отправились к воротам.

- Погодите немного, - остановила нас тётушка Ульяна и принесла из сеней литровую банку простокваши.

- Выпейте на дорожку холодненькой простоквиши, она хорошо утоляет жажду, - предложила она.

Я сделал всего лишь два или три глотка и передал банку Борису Васильевичу. Он залпом осушил остальное содержимое и от души похвалил хозяйку за её замечательный напиток. Распрощавшись, мы тронулись в путь. Первый километр прошагали бодро и остановились для передышки у мостика через ручей. Я достал свой фотоаппарат, сделал несколько снимков живописных окрестностей и снял Бориса Васильевича в штормовке, болотных сапогах и с рюкзаком на спине. В правой руке он держал объёмистый целлофановый пакет, в котором мы хранили коллекционные тушки птиц, собранные за время пути.

- Сфотографируй тогда и меня на память моим фотоаппаратом, место уж больно красивое, - показывая на великолепную панораму Риддерской долины, сказал он, протягивая свой «Зенит», - только так, чтобы лоб с шишкой не видно было.

Он встал на дороге вполоборота, и я сделал исторический кадр, который, спустя 47 лет, увидел на выставке. Вот с этого момента и началось у нас самое интересное, точнее, неприятное. Борис Васильевич вдруг отошёл на обочину, сбросил рюкзак и, вручив мне пакет с тушками птиц, быстро ушёл в густые тальники. Вернулся он совсем невесёлый и сообщил, что у него после простокваши началось страшное расстройство желудка. Так весь день мы вынужденно шли пешком по дороге в город полтора десятка километров, часто останавливаясь у всех придорожных кустов. За это время пропустили два рейсовых автобуса и несколько попутных машин, водители которых притормаживали около нас и сами предлагали подвезти. Когда в сумерках миновали Быструшинское водохранилище и подошли к окраине Лениногорска, расстройство желудка у Щербакова почти прекратилось, но зато

бурно началось у меня. Оказывается, даже те два-три небольших глотка простокваши сработали как мина замедленного действия и, как по закону подлости, в самый неподходящий момент. Пришлось нам по этой причине топтать в центр города пешком, время от времени останавливаясь и убегая в ближайшие кусты, благо наступила темнота. В конце концов, почувствовав временное облегчение, на одной из остановок мы забрались в битком набитый людьми городской автобус, едва впихнув в заднюю часть салона свои объёмные рюкзаки.

- С рыбалки, что ли едете? – поинтересовался любопытный мужичок, пристроившийся рядом и подозрительно рассматривающий нас и наше имущество.

- С чего вы так решили? – переспросил Борис Васильевич.

- Динамитом от вас чего-то пахнет, я его за версту чую, взрывником на руднике работал, - ответил он тоном знатока.

На этом наш разговор прервался, так как автобус остановился в микрорайоне как раз напротив нужного дома, в котором тогда жил друг Бориса Васильевича – Юрий Андреевич Котухов, известный алтайский ботаник. Однако наша надежда обрести у него покой оказалась напрасной. Его квартира была полна столичных гостей – у него остановилась экспедиция алма-атинских ботаников, состоящая исключительно из молодых женщин и девчонок. По известной причине, я сразу же надолго уединился от всех, а Борис Васильевич оказался за столом на кухне в весёлом женском окружении, из которого он долго не мог вырваться. Любознательные ботанички набросились на него с расспросами о нашем походе и увиденном в пути, но он лишь скупно отвечал им односложными фразами или кивком головы. Таким угрюмым я его никогда больше не видел. Наверняка, это были тяжелейшие минуты в его жизни. Обычно компанейский и общительный, в этот раз он сидел мрачный, вцепившись пальцами в края табуретки и страдая от мучительных болей. Когда наступило утро, мы чувствовали себя как побитые собаки и с трудом передвигали ноги. Хуже того, боялись лишний раз чихнуть и кашлянуть, так как это вызывало сильные боли в животе.

На наше счастье ботаники в этот день уезжали на своей машине в Усть-Каменогорск и согласились взять нас с собой. Кузов «ГАЗ-66» с брезентовым тентом был доверху набитый ящиками, рюкзаками, спальниками и гербарными папками. Пристроившись в свободном уголке и вцепившись в края борта, мы с превеликими муками доехали до дома, больше всего боясь, чтобы термоядерная простокваша не начала вновь действовать в пути.

Н.Н. Березовиков

ОРЛИНАЯ СТЕПЬ

Из Усть-Каменогорска выехали в майский дождливый день. Мчимся вниз по левобережью Иртыша, обширная долина которого приютила многочисленные деревни и сёла.

За рулём иномарки Стариков Сергей Васильевич, научный сотрудник Восточно-Казахстанского областного историко - краеведческого музея, орнитолог по профессии и призванию.

За окнами машины проносятся лесополосы, поля, луга, ковыльно-типчаковые степи.

Обязанности водителя не мешают Старикову сообщать нам название встречающихся птиц: сорока, сизый голубь, грач, серая ворона, чёрная ворона, полевой жаворонок, чёрный коршун, пустельга обыкновенная, степной лунь...

На первую ночёвку остановились у густых зарослей древесно - кустарниковой растительности, близ зубчатого, клыкастого хребта Дельбегетей. Ставить палатки и готовить ужин помогает магистрантка кафедры биологии Восточно-Казахстанского университета Акентьева Екатерина. Она собирает материалы для своей диссертации: «Экология орлов Восточного Казахстана».

Ночью слышались монотонные голоса мелких сов - сплюшек, жужжание козодоев, соловьиные залпы, свист степной пищухи – мелкого зайцеобразного зверька.



До завтрака я успел побродить по ближайшим окрестностям. У цветущих зарослей караганы и жёлтой акации наблюдал красноухих овсянок, слышал звонкие голоса широкохвосток, больших горлиц, неподалёку пролетали огари, галки, кряквы, серые вороны.

Нам предстояло совершить траверс по гребням горных хребтов Калбинского нагорья в поисках гнёзд степного орла, могильника и змеяда.



Въезжаем в глубокое, извилистое ущелье с отвесными скалами, заросшее кустарниками. Слышны гортанные, печальные крики огарей: «аанг... аанг». Они летают, садятся на скалы. Поистине, ущелье огарей. Компанию им составили канюк обыкновенный, обыкновенные кукушки, чёрные стрижи, каменки и широкохвостки.

Стариков, запрокинув голову, осматривает зорким взглядом бинокля поднебесье.

Вот он! Лайфер, по выражению бёдвочеров. Степной орёл! Парит среди серебристых облаков, расправив широкие крылья, осматривает просторы. Это его степь! Орлиная степь!

Следующую остановку сделали у степного озера Актайлак. Сергей установил на пригорке штатив с подзорной трубой и проводит учёт численности водоплавающих птиц: крякв, больших бакланов, поселившихся большой колонией, лысух, речных чаек, больших поганок, камышниц, хохотуний, хохлатых чернетей, красноголовых нырков, чибисов, больших веретенников, савок.

На пути встретились кошары – длинные, сооружения, предназначенные для содержания коней, крупного и мелкого рогатого скота. Теперь здесь нашли пристанище птицы: угод, маскированная трясогузка, деревенские ласточки-касатки, каменки, обыкновенные пустельги, галки.

... А тёплый майский ветер трепал густые кудри ковылей, ласкал малиновые лепестки пионов. Высоко в небе плыла по кругу, точно в медленном танце, пара журавлей-красавок. Они держались на приметном расстоянии друг от друга, но между ними угадывалась незримая связь. Журавли изредка подавали из лазурного поднебесья протяжные голоса. Тронут своим неповторимым гортанным криком самое сокровенное, потаённое, пробирающее до хромосом души, и замолкнут надолго, будто дают время на размышление...

По дороге встречались черноголовые чеканы, коноплянки, журавли-красавки, которые держатся всегда парами, краснощёкие и длиннохвостые суслики. А однажды, рано утром, в кювете нас подждал серый сурок, жирный, жёлтый по окрасу, увалень.

Ночь застала нас у Бакарчикского водохранилища. Палатки поставили у раскидистого тополя. Оказалось, что этот тополь облюбовали для гнезда чернолобые сорокопуть. Они летали с тревожными криками, строили гнездо. Всю ночь ухала выпь, пищали летучие мыши. Это водохранилище пользуется большим вниманием у рыбаков, поэтому мы не стали здесь задерживаться и после завтрака отправились дальше.



Иномарка-вездеход позволяет нам обследовать даже узкие ущелья в поисках гнёзд орлов. Гнёзда искали там, где встречали парящих в поднебесье хищников. Три обнаруженные нами на вершинах скал гнезда степного орла представляли собой плоские сооружения из сучьев, обрывков шкур и различного мусора.

Очень порадовали Монастырские озёра, на которых мы остановились на очередную ночёвку. Озёра приютили многочисленных водоплавающих птиц: поселившихся огромной колонией речных чаек, чёрношейных поганок, огарей, хохотуний, хохлатых чернетей, красноголовых нырков, чибисов, речных и малых крачек, пеганок, травников, савок, куликов-сорок.

Да что это я всё о животных! А разве люди не заслуживают внимания?

С Сергеем Стариковым мы познакомились случайно в майский воскресный день на экскурсии в окрестностях Усть-Каменогорска, когда он был ещё школьником. Оказалось, что юноша очень интересуется птицами. Потом были совместные экскурсии, экспедиции. По окончании школы Сергей

два года служил в армии, писал мне письма, очень скучал по природе родного края. По возвращении из армии закончил Усть-Каменогорский педагогический институт. Сегодня Сергей Васильевич, разменявший уже шестой десяток, известный в Казахстане и даже в дальнем зарубежье орнитолог.

Екатерина Валерьевна Акентьева, хрупкая, красивая девушка, у которой ещё всё впереди. Как же она скрашивала нам бивачную жизнь!

...Широкая, раздольная, бескрайняя, безбрежная... Какими только эпитетами не награждали поэты и писатели степь! А мы, учащиеся, заучивали наизусть эти строки. Заучивали механически, не вникая в их суть. А степь по-настоящему поймёшь, полюбишь и оценишь, только побывав в ней. И тогда эти поэтические строки зазвучат совсем по-иному, они наполнятся особым смыслом.

Степи, они тоже разные. Степь подарила имена многим растениям и животным: степной пион, степной орёл, степной лунь, степная тиркушка, степной жаворонок, степной конёк, степная пищуха...

В тёплый майский день мы оставляли казахстанскую степь. Степь, подарившую миру гениев: Абая Кунанбаева, Чокана Валиханова, Шакарима Кудайбердиева, Мухтара Ауэзова. И подарит ещё...



Константин Прокопов,
фото автора

ЛЮБОПЫТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ ОРНИТОЛОГОВ

В мае 2007 г. у с. Жаскайрат в Павлодарской области наблюдали как 3 грача забили насмерть большого веретенника, заставив его сесть на землю. (*подробнее в статье: И.Камп, К.В.Гришина. Грачи убивают взрослого большого веретенника// Русский орнитологический журнал, 2019, т. 28, № 1807*).

В мае 1929 г. найдено несколько гнёзд сизой чайки с кладками в грачиной колонии. (*подробнее в статье: Р.В.Дэвис. Гнездование сизой чайки в гнёздах грача в Шотландии// Русский орнитологический журнал, 2019, т. 28, № 1809*).

В мае 2006 г. в окрестностях д. Севруки (Гомельская обл.) найдено гнездо кулика-сороки с кладкой из 4 яиц, устроенное на вершине бетонного столба высотой 3.5 метра. (*подробнее в статье: К.В.Барановский. Необычное гнездо кулика-сороки// Русский орнитологический журнал, 2019, т. 28, № 1814*).

В мае в Санкт-Петербурге наблюдали кормёжку обыкновенной чечевицы незрелыми коробочками с семенами в женских серёжках осины. Чечевицы также часто используют в пищу незрелые семена вяза. (*подробнее в статье: А.В.Бардин, Г.А.Панова. Чечевица ест плоды осины// Русский орнитологический журнал, 2019, т. 28, № 1828*).

КИНЗ-ИНФОРМ

(Калейдоскоп интересной, необычной, забавной информации)

Фламинго обладают дружелюбием. Исследователи из юго-западной Англии 5 лет наблюдали за птицами. Оказывается, что фламинго выделяют в стае круг близких друзей и на протяжении многих лет могут общаться в тесной компании, сообщает «МИР 24». Ученые 5 лет следили за четырьмя видами фламинго в заповеднике водно-болотных угодий WWT Slimbridge. Стало известно, что розовые птицы выделяют несколько особей, с которыми хотят проводить больше времени. Исследователи даже выделили социальные связи у фламинго. Это семейные пары и дружеские (одного пола), а также компании из трех или четырех друзей. Птицы избегают некоторых особей, к которым они испытывают неприязнь.

ОТЗЫВЫ (на № 95)

Большое спасибо за очередного «Ремеза». Хорошая газета. Читаю обычно всё — от первой страницы до последней. **Владимир Казенас.**

Дорогие Валерий Васильевич и Владимир Николаевич! Прочитал новый выпуск. Отлично! Молодцы!!! Вот так и надо дальше издавать. И пора уже начинать задумываться про издание газеты в цветном формате! Прекрасного творческого настроения. **Березовиков Николай.**

Спасибо! Прекрасный весенний номер! Как всегда, насыщен интересной информацией и эмоциями авторов заметок! Дальнейших успехов Редакции! Юбилейный номер не за горами! С уважением. **А.Кошелев.**

АНЕКДОТЫ

Учительница: - Вовочка, что означает фраза Гоголя "Редкая птица долетит до середины Днепра"?

Вовочка: - То, что Гоголь хорошо знал птиц. Нормальной птице на середине Днепра нехрен делать.

Художники отличаются от фотографов тем, что у них птичка вылезает очень медленно...

Если у вас бабочки в животе, совсем не обязательно это любовь. Возможно, вы просто птичка.

Еж - птица гордая, пока не пнёшь, не полетит.

Союз охраны птиц провел среди первоклассников города выездной "Урок доброты". Тридцать два голубя умерло от передозировки хлебом.

Лето - стало трудней дотягивать до зарплаты, потому что соседи перестали класть сало в кормушку для птиц

- Ну как охота?

- Да, как сказать... Начало было отличным: настреляли уток, сварили полный казан лапши с дичью. Два дня ели. Еще и на третий осталось. Думали, есть - не есть? Все-таки дни стояли теплые. А потом под водочку все остатки замели!

- Ну и как, пронесло? Не отравились?

- О-ой как пронесло-о-о! Всю ночь из кустов не вылезали. Такая нас в конце приперла к кустам охота, что и вспоминать неохота.

Какой, какой ты сказал матери?



Внимание! Все номера газеты «**Remez**» можно прочитать и скачать на сайте АСБК www.acbk.kz. Порядок доступа к электронному варианту газет «Remez» следующий: на Главной странице активируете «Зона данных», на странице Библиотека - «Журналы», на странице Журналы о природе - «Газета «Общества любителей птиц «Remez». (Надпись на выделенной зеленым полосе в нижней части страницы).

Газета «Remez» выходит с февраля 2005 года.

Редакция:

В.В. Хроков (тел.373 36 60)

В.Н. Дворянов (тел.230 42 30)

Иллюстрации и дизайн – В.Н. Дворянов

Email: vkh.remez @ mail.ru

dvorianov36052 @ mail.ru

Председатель ОЛП «Ремез»

Игорь Сербин (тел. 223 66 84)

serbin-igr@mail.ru

Логотип ОЛП – Ф.Ф. Карнов



Тираж 90 экз